

Ева Миллс

Rock'n'roll

18+

Ева Миллс

Ева

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Миллс Е.

Ева / Е. Миллс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Еве 17, и она влюблена. Это лето начинается так прекрасно — и пахнет солнцем, книгами и яблоками. И оно изменит ее навсегда. Первая любовь, первая настоящая подруга, первая потеря. Роман о взрослении, роман о юности. Вторая книга из цикла «Воздушные замки».

Содержание

Часть 1. Рок-н-ролл	5
Глава 1. Голд	5
Глава 2. Первые странности	7
Глава 3. У «Ронни»	10
Глава 4. Первый поворот	13
Глава 5.	15
Глава 6. Все страньше и страньше	19
Глава 7. Бабочки в животе	22
Глава 9. Желтые листья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ева Миллс

Ева

Часть 1. Рок-н-ролл

Глава 1. Голд

В лето перед выпускным классом я стала работать в книжной лавке Голда.

Владельца магазина, Роберта Голда, у нас побаивались. Он появился в нашем городке около десяти лет назад – мне тогда как раз было семь, купил заброшенное здание в конце главной улицы и стал торговать книгами.

Никто не думал, что он останется надолго: тот дом считался проклятым, да и, скажите на милость, зачем чтение горожанам, самым лучшим развлечением считающих пятничное караоке в баре «у Ронни». Однако же, мистер Голд задержался. Про него шептали всякое: он сказочно богат, свёл в могилу нескольких жён, у него есть красавец сын, а сам он колдун, или государственный преступник, или агент ЦРУ.

Я его не боялась. Когда бы я ни зашла – а заходила я очень часто, у него всегда была для меня новая интересная книга и история.

Помню, как впервые увидела его. Он только открылся, и нарядно украшенная витрина, полная разноцветных толстых корешков, сразу же околдовала меня. Я шла из школы и всегда останавливалась перед магазином, простаивала около часа, водя пальцем через стекло по тиснёным томам, проговаривая названия. Книги меня не очень интересовали, меня манила как магнитом кукла – изящная хрупкая статуэтка неземной красоты, уютно устроившаяся между «Дэвидом Копперфильдом» и «Моби Диком». Время замирало, когда я вела с ней разговоры, посвящая во все свои детские секреты.

Однажды за моей спиной раздался голос.

–Ты напоминаешь мне Франческо, влюблённого в свой поезд.

Я подпрыгнула и повернулась.

Передо мной стоял сам мистер Голд, ужасно высокий и худощавый. Он немного сутулился и опирался на трость, отчего вид у него был грозный, но его глаза не были сердитыми. Он смотрел на меня с интересом и явно не злился, что я простаиваю у витрины. От него пахло не как от старика, песком, паутиной и пылью, а странно, но приятно: лимонными леденцами, спичками, мокрыми листьями, сухим деревом и бумагой.

Во мне не было страха перед взрослыми – непуганое дитя— всегда вздыхал папа, когда-нибудь она влипнет из-за этого в историю.

–А кто этот Франческо? Ваш сын?

Мистер Голд рассмеялся. У него был приятный смех, совсем не злодейский.

–Нет. Франческо не сын, а персонаж. «Путешествие голубой стрелы» – ты знаешь такую книгу?

Я покачала головой.

–Нет. Я не люблю читать. Я люблю петь.

–Вот как? Почему же ты тогда который день приклеиваешься к стеклу?

Я показала рукой на куклу:

–Из-за Эмили.

–Эмили?

–Да. Ее зовут Эмили, но ей нравится, когда я зову её Бель.

Мистер Голд очень странно на меня посмотрел, а потом сказал что-то непонятное:

—А я всё думал, почему же... Неважно. Подожди меня, я сейчас.

Он зашёл в лавку, но сразу вернулся. В руках у него была толстая зелёная книга в золотом переплёте.

«Сказки Джанни Родари» —по слогам прочитала я. К тому времени я ходила уже в школу, но действительно не очень любила чтение.

—Здесь есть про Франческо. Когда прочитаешь, придёшь за новой. А теперь беги домой, Ева. Тебя уже наверняка ждут.

Я глянула на часы на здании ратуши. Стрелка подбиралась к пяти – ух и влетит же мне от мамы! Я затолкала книгу в рюкзак и наскоро проговорив «спасибодосвидания» побежала домой и только уже вечером в кровати, соскальзывая в сон, поняла, что не говорила мистеру Голду своего имени.

С тех пор так и повелось: я брала книгу, возвращала и получала новую. Никогда раньше не интересовавшаяся чтением, я вдруг страстно полюбила мир фантазий. Роберт Голд был отличным проводником: он всегда знал, когда мне хочется обсудить прочитанное, а когда спрятать поглубже, для себя, а ещё он никогда не ошибся в том, какую именно историю мне предложить. По его советам я прочитала «Энн», «Маленьких женщин», «Убить пересмешника» и «Близнецов из ласковой долины», «Волшебные сказки Шотландии» и «Кролика Питера», «Мэри Поппинс» и «Маленького принца», потом, по мере моего взросления, Драйзера, Стейнбека, Толстого и Мопассана.

Не все находили нашу с ним дружбу нормальной. Доброжелательные голоса то и дело нашёптывали маме, что негоже маленькой девочке столько времени проводить со взрослым одиноким мужчиной, но та только отмахивалась.

—Спасибо за совет. Да, да, я прекрасно понимаю ваши опасения. Но мы с Джеком разговаривали на эту тему с мистером Голдом и вполне ему доверяем. Да, да, спасибо, до свидания.

Выпроводив очередную заботливую наседку, она неизменно шумно выдыхала и начинала ругаться:

—Как меня достали эти назойливые клуши! Как надоел мне этот мелкий городишко, в котором все знают друг друга и всё про друг друга! Джек, какого чёрта мы здесь живём, напомни мне! Почему я увезла нашего ребёнка из Нью-Йорка?

—Потому что ты мечтала жить в маленьком городе у моря, и чтобы все знали друг друга. И потому что у меня здесь дом. —Папа на эти вспышки всегда реагировал одинаково: обнимал маму и спокойно ждал, когда ей надоест возмущаться. Один раз, когда она бурчала слишком уж яростно, он непонятно заметил:

—Эли, ведь не их вина, что ты постоянно привечаешь всяких чудовищ. Голд —странный. Ты не можешь этого не признавать. Я доверяю твоему чутью, да и по базе я его проверил, он чист, но он неординарная и одиозная личность. К такому не зайдёшь за здорово живёшь на чашечку чая. Видимо, в нашей дочери есть что-то от тебя.

Мама поморщилась.

—Да ну тебя. Вечно как скажешь.

—Правду, Элена. Я говорю правду.

Тут они вдруг заметили, что я слушаю их с раскрытым ртом.

—А ты, лисичка, уже и уши развесила. Ну-ка брысь в свою комнату!

Глава 2. Первые странности

Через десять лет я ориентировалась в книжной лавке не хуже, чем у себя дома. Для меня было привычным забежать к мистеру Голду после уроков, рассказать последние школьные сплетни, выпить чашку чая из любимой чашечки тонкого синего фарфора. Близились каникулы и учиться совершенно не хотелось. Я украдкой тащила очередной любовный роман – до этого лета я не замечала, сколько же их на полках— и убегала к своему волшебному камню, огромным плоским валуном, разделявшим лес и побережье. Мне грезились принцы и драконы, балы и я в роли принцессы, моё сердце томилось в ожидании, и я могла часами бродить, напевая песни о любви, как диснеевская Аврора.

Предложение Голда поработать у него всё лето стало для меня неожиданностью.

–Работать в лавке? Но зачем вам это? Я и так сутками пропадаю здесь.

–Верно. Но так у тебя будут чётко обозначенные обязанности и распорядок дня. И я буду тебе платить. Немного, но буду.

Родители поддержали эту идею. Подозреваю, они переживали, что я слишком витаю в облаках и надеялись, что реальные обязанности немного научат меня ответственности. Наверняка они считали, что я не продержусь и пары дней.

Но мне понравилось. При всей своей разболтанности я всегда внутренне тяготела к порядку и неспешный рабочий ритм меня затянул.

Я радовалась каждому дню. Просыпалась уже счастливая, как будто в воздухе витало что-то хорошее, что вот-вот должно было случиться. Завтракала, ехала на велосипеде в лавку, и до обеда наводила порядок на книжных полках. Мне нравилось, как тут пахло: лимонной полиролю, нагретым деревом, книжной пылью и тайной. В магазинчике всегда кто-то был: к мистеру Голду приходили самые разные люди, о чём-то разговаривали в его кабинете за закрытыми дверями, потом покупали книгу и уходили как будто слегка оглушённые. Когда я расспрашивала хозяина, зачем они все приходят, он всегда отвечал что-то вроде:

–За истиной. За помощью. За путеводной звездой.

То есть, по сути, никак не комментировал ситуацию, держа меня в неведении. Мучаясь от любопытства и строя всевозможные догадки, я забавлялась тем, что пыталась угадать по лицам людей, какую именно книгу им предложит Голд.

Однажды к нам зашёл Оливер Хайд – местный адвокат, самоуверенный мужчина, красивое лицо которого очень портило высокомерное выражение лица. Он всегда пах дорогим удушливым парфюмом – я люблю разбирать запах человека на составляющие – но от Оливера несло так, как будто он по утрам выливал на себя флакон эксклюзивного отпугивателя людей. Сейчас он заходил в лавку явно нехотя, как будто уговаривая самого себя, что это вот сейчас не он пришёл на поклон к ненормальному старику.

Он посмотрел сквозь меня и попытался сразу пройти за стойку, но я – из простой вредности – преградила ему путь.

–Вам назначено?

Он опустил на меня взгляд. Он был высоченным как баскетболист, наверняка у него были трудности в подборе одежды, но по его внешнему виду вы бы никогда этого не заподозрили.

–Девочка, не лезь не в своё дело. Мне нужен Роберт Голд.

Я пожала плечами. Мои родители явно разбаловали меня, потому что никакого пиетета к возрастам и рангам я не испытывала.

–Ну а мне нужно сообщать мистеру Голду обо всех, кто хочет его увидеть и только он решает, кого к нему пропустить, а кого нет.

Он покраснел от злости.

–Да ты хоть знаешь, зачем я сюда пришёл!

–Знаю. Вы хотите купить книгу. Все, кто приходят, хотят купить книгу. Не знаю уж, какую истину вы потеряли, но вам явно не помешало бы почитать «Добываек», мистер Хайд. Отлично подойдёт вам, между прочим.

Я чувствовала, что явно перегибаю палку, но у меня есть дурацкое качество: когда включается внутренний голос и говорит, Ева, хватит, я всегда возмущаюсь – а с какой стати я буду тебя слушать, ты же всего лишь внутренний голос?

Так и сейчас. Оливер уже набрал воздуха, чтобы обрушить на меня гневную тираду, а может, и не только тираду, но за моей спиной раздался спокойный голос.

– Здравствуйте, мистер Хайд. Я ждал вас. Ева, тебе пора на обед.

Мне не было пора на обед, но вторым моим прекрасным свойством является то, что иногда я всё-таки знаю, когда стоит сдать назад без единого слова. Я кивнула мистеру Голду и отправилась «к Ронни» на ланч.

Возвращалась я с повинной головой.

–Простите, мистер Голд. Я не должна была дерзить вашему гостю.

–Оливер давно напрашивался, чтобы его щёлкнули по носу, и я нахожу очень ироничным, что провидение явилось ему в облике сопливой девчонки.

–Я не...

–Почему ты посоветовала ему Мэри Нортон? – хозяин рассматривал меня как рассматривал редкие книги: пристально и с лёгким недоверием.

–Ну, просто он был такой надутый, как будто даже пугает своим одеколоном, и наверняка рассчитывал, что вы ему присоветуете Кафку, ничуть не меньше, так что я не удержалась от того, чтобы немного не пошалить. Я думаю, для мистера Хайда унизительна даже мысль, что кто-то мог хотя бы представить его, читающим детскую сказку. Тем более я знаю: *«дети могут говорить что им вздумается и получать от этого удовольствие, всегда зная, что они не правы и с ними не случится ничего плохого»*¹.

Мистер Голд едва заметно усмехнулся.

–И давно ты так...шалишь?

Я смутилась.

–Давно, мистер Голд. Почти с первого дня работы. Но клянусь, я больше никому не докучала!

–А что бы ты посоветовала мне?

–Вам?

–Мне.

–Вы шутите?

–Напротив, я серьёзен, как никогда. Ну, давай, я пришёл к тебе. Какую книгу ты мне предложишь?

Я всматривалась в него так долго и пристально, что в глазах защипало.

–Никакую. Нет. Не знаю.

–Так не знаешь или никакую?

–Не знаю. Книга точно есть, но я её не знаю. Простите, мистер Голд. Это было испытание, да? Я его провалила?

–Это было испытание. Ты его не провалила. – Не успела я пристать к нему с расспросами, что за тест это был, как он добавил.

– С завтрашнего дня начнёшь записывать всех моих посетителей и книги, которые, на твой взгляд, им подходят. В конце дня будешь зачитывать этот список мне. А сейчас иди домой.

–Но ещё только два часа дня...

¹ Цитата из Мэри Нортон «Добывайки».

–Уходи, Ева. -Голд вдруг как-то резко сгорбился, осунулся и стал похож на древнего, уродливого старика. – Я хочу побыть один.

Уже в дверях я окликнула его.

–А какую книгу вы всё-таки дали Оливеру?

Мистер Голд услышал меня, но не ответил

Глава 3. У «Ронни»

Я недолго размышляла над тем, чтобы могли значить эти события. Сегодня была пятница, а значит, я шла петь в караоке.

У нас небольшой город. В нём одна школа, одна почта, один банк и один бар. На самом деле, конечно же, не один. Но именно «У Ронни» бьётся сердце нашего города. Его хозяйка, та самая Ронни, лучшая и единственная подруга моей мамы и их явно связывает какая-то тайная история, начавшаяся задолго до моего рождения. Ронни пахнет крепким виски, солью, перцем, чёрным хлебом и морозными яблоками. У неё есть взрослый сын, Лукас, который живёт в Портленде. Несколько раз в год Ронни закрывает свой бар и уезжает на недельку навестить его и тогда мы всё томимся и бродим как неприкаянные, не зная, где собраться.

По пятницам в баре собираются все. Отдыхают от напряжённой рабочей недели, опрокидывают пиво кружку за кружкой, перебрасываются новостями, общаются. А ещё поют караоке. Каждый может спеть песню, но только одну. Я всегда готовилась к пятнице заранее. Я хорошо пела, всегда выступала на школьных и городских концертах, но всё равно всегда волновалась перед вечером «у Ронни».

Фрэн тоже должна была выступать. Фрэн – девочка с золотыми волосами и голосом, как серебряные колокольчики, Фрэн – выпускница, самая популярная и красивая девушка нашего города, Фрэн – само дружелюбие и кротость. Фрэн – аромат сладкой росы, земляничного мыла и зимнего утра. Я ненавидела Фрэн и обожала.

Я была красива, но она была красивее. Я была остроумная, но она умела слушать. Я пела хорошо, но она пела как ангел.

Я всегда мысленно считала секунды, сколько хлопали ей и мне, и ей всегда хлопали на мгновение, но дольше. Я соревновалась с ней сколько себя помню, а она наверняка даже не знала этого. Она была на класс старше и в этом году окончила школу. Ей все сулили великолепное будущее. А ещё она встречалась с Нилом. Нил, сумасшедше красивый Нил, звезда, принц, герой. Я пришла в прошлом сентябре в одиннадцатый класс, и с первого дня влюбилась. Но Нил был занят, околдован своей белоснежной принцессой и не смотрел ни на кого, никогда.

На меня обращали внимание мальчики. Я перешла в старшую школу и вдруг поняла, что нравлюсь парням. С конца девятого класса меня провожал домой то Джим, то Саймон, а с Томми мы встречались три месяца и даже целовались, но никто никогда не нравился мне так, как Нил.

Он тоже должен был быть сегодня вечером в баре. Он всегда приходил слушать свою ненаглядную Фрэн.

Когда я вошла в помещение, все места были уже заняты. Моя всегдашняя соседка Уна этим летом вдруг резко влюбилась и теперь всё время проводила только с Томми. Тем самым, кстати, с которым мы целовались. Я вспомнила его слюнявые мягкие губы, пахнущее еловым одеколоном и мятной жвачкой дыхание, и передёрнулась. Мерзость. Бедная Уна. Мама и папа помахали мне рукой, подзывая за свой столик, но вероятность просидеть весь вечер с родителями вызвала зубную боль. Они будут весь вечер со всеми здороваться, перебрасываться скучными сплетнями, и я буду подыхать от тоски. Я всё-таки подошла и немного поболтала с ними, а потом сделала вид, что заметила друзей и направилась в противоположный конец бара. К кому бы подсесть?

–Ева! Иди к нам! – я оглянулась. Из-за углового столика мне приветливо махала Фрэн. Их там была целая компания – все старше меня, все окончили школу. Я подошла.

–Садись с нами, мы потеснимся. Какая-то девчонка со смехом влезла на колени к парню, на освободившийся стул усадили меня и сразу же подали бутылку колы. Я глотнула и подавилась: горло немедленно обожгло – в напиток явно было подмешано что-то покрепче. Я закаш-

лялась, судорожно вдыхая воздух. Все засмеялись, множество рук немедленно похлопали меня по спине. С ними было весело, и неожиданно легко. Оказалось, Фрэн меня помнила по литературному кружку, а Нил слышал обо мне от Томми – они играли в одной команде по бейсболу – «только о тебе и говорил всю зиму, когда вы встречались, а потом ещё всю весну, когда ты его бросила!»

Меня быстро со всеми познакомили: Мартин, друг Нила, у него на коленях Энн, кудрявая хохотушка. Лиза, Генри – все куда-то поступили, все полны планов. Ещё был Ник – старший брат Нила, ему уже было 25, он окончил колледж и работал в банке у отца. Он показался мне ужасно старым и хмурым, пропитанным дымом и тенью, и с ним была невеста – скромная красивая девушка, Элли Хайд, дочка старого нотариуса, сестра того самого Оливера Хайда, которому я давеча нагрубила. Элли ни капли не походила на своего заносчивого старшего брата. За весь вечер она не сказала ни слова и казалось, просто блёкла в тени огромного Ника.

Бутылки с «Колой» ходили по кругу, в баре уже начали петь, но впервые меня интересовала не сцена, а то, что вокруг неё. Алкоголь ударил в голову и я, осмелев, начала комментировать посетителей. У меня всегда был едкое чувство юмора, но в этот вечер я была в ударе. Компания покатывалась со смеху, слушая мои колкие замечания. Доставалось всем: моим собственным родителям, влюблённым парочкам, выступающим, даже самой Ронни.

Рассказывая очередную байку, я увлеклась и не сразу заметила, что все замолчали, а когда заметила, то сразу почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит.

Ронни.

Она протянула руку к Энн, та безропотно отдала ей бутылку. Ронни открутила крышечку, понюхала содержимое.

– Пахнет украденным в отцовском баре виски и домашним арестом.

Все опустили глаза в стол, я боялась повернуть голову.

Нил попробовал вступиться:

– Ронни, мы не затевали ничего плохого. И нам уже есть 18. В Европе нам бы уже продавали алкоголь!

– Вам – да. А вот этой юной леди – дочке нашего шерифа, если вы забыли, напомню, что он с женой сидит вон за тем столиком – ей – 16 и даже в Европе у неё без шансов.

– Мне 17, буркнула я, глядя исподлобья.

– Ах точно, 17, всего-то месяц назад исполнилось. Ну-ка, немедленно брысь отсюда домой. Я не потерплю пьяных малолеток у себя дома.

– Но Ронни!

– Мне пожаловаться твоему отцу? Или, может, Роберту Голду?

– Я ещё не пела!

– Зато уже пила! Мне всех разогнать, чтобы лучше дошло?

Такого бы мне никогда не простили. Я закрыла рот и уныло выбралась из-за стола.

– Кто из вас, героев, проведёт её домой? – Тон Ронни не подразумевал отказа, но явно никому не хотелось меня провожать и пропускать всё веселье.

Ник встал из-за стола.

– Я проведу её. Элли, подождёшь меня? Я скоро вернусь.

Неожиданно Фрэн тоже поднялась.

– Если Ева не будет петь сегодня, то и я не буду. Я с вами, ребят, закинете и меня домой. – Нил начал было вставать, но Фрэн его остановила. – Не надо, всё в порядке. Побудь с ребятами, встретимся завтра утром.

Самой несвязанной на свете компанией мы шли по тёмной улице. Ещё утром я знать никого не знала из этих ребят, а Фрэн так вообще недолюбливала, а сейчас она из-за меня отказалась выступать – всё чудесатее и чудесатее, как сказала бы Алиса. Ник вообще был взрослым – меня смущала его серьёзность и мрачность, он был совсем непохож на своего солнечного

брата, а был его чёрным отражением. Я была рада, что мне не приходится идти с ним один на один.

–Кого сначала отведём?

–Меня. – быстро выпалила я. Если мы сначала заведём Фрэн, то ещё полчаса мне придётся провести одной в компании Ника.

– Мне лучше быть дома пораньше, на случай, если родители вернутся и решат проверить мою постель.

Ник молча кивнул, и они с Фрэн довели меня до дома. Пока я поднималась по лестнице в комнату, моя голова кружилась и, добравшись до кровати, я рухнула в неё и уснула раньше, чем коснулась подушки.

Глава 4. Первый поворот

Утро было недобрым. Я проснулась рано оттого, что жутко, мучительно хотелось пить. Во рту как будто сдох табун ежей, горло саднило, в висках стучало. На цыпочках я прокралась в ванную и стала жадно хлебать воду прямо из-под крана.

— Сон алкоголика крепкий, но недолгий?

Я подпрыгнула от испуга.

— Папа! Ты меня напугал!

— Так и было задумано. Что, голова болит, небось?

Я жалобно кивнула.

— Это, дочка, называется похмелье – утренний результат воздействия паров алкоголя на организм.

— Не говори маме.

— Ты заслуживаешь нотации.

— Но можно её прочитаешь ты?

Папа кивнул.

— На первый раз – да. Чисти зубы и спускайся. Я сделаю тебе кофе.

Кофе был отвратительно крепким и горьким и смешавшись с остаточным ароматом мятной зубной пасты во рту у меня получилась такая гадость, что я еле успела добежать до раковины и выплюнуть это адское пойло.

— Фу!

— Пей маленькими глотками и рассказывай, что это вчера была за компания.

— Ронни нажаловалась?

— Нет. А было на что?

— Нет! Но как ты тогда догадался... – я осеклась, но он продолжил фразу за меня.

— Что ты пила? Но это ведь было очевидно. Я знал, что в бутылки с газировкой подмешан алкоголь. Этот трюк молодёжь осваивает на генетическом уровне. Я давно знаю, что они не просто так сидят и слушают музыку.

— И не вмешиваешься? Ты же шериф!

Он пожал плечами.

— Ну, вмешаюсь я. И что? В следующий раз все пойдут пить в другое место и неизвестно что ещё может случиться, а здесь все на виду и под присмотром взрослых. Пить тоже надо учиться. Но мне не нравится, что в этом оказалась замешана ты.

— Пап, они хорошие ребята!

— Да. Но взрослые.

— Всего-то год разницы!

— В твоём случае год значит, что ты осенью пойдёшь в школу, а они уедут в колледж.

— Ну папа! Не будь таким старым!

Он потёр руками лицо и вздохнул:

— Поневоле станешь здесь старым. Ты собираешься видаться с ними ещё?

— Не знаю. После того, что Ронни вчера устроила, не уверена, что увижу хоть кого-нибудь из них.

Однако я ошибалась. Этим же днём в лавку Голда заглянули два необычных посетителя: Фрэн и Нил. Я ошарашенно поздоровалась с ними, а они с интересом оглядывались вокруг.

— Ну и местечко!

— Никогда здесь не была!

— Серьёзно, ни разу?

–Ты что, Ева, мы все до усрачки боимся мистера Голда. Невероятно, как ты у него работаешь.

–Нуу, на самом деле он же не такой, каким кажется...

–Такой, такой. Даже мой папа его боится, клянусь, а он же банкир как-никак.

Фрэн подошла к книжным шкафам.

–Столько книг... Ты читала их все?

Я рассмеялась.

–Нет, конечно же, нет.

–Но многие?

–Многие.

–Посоветуй мне что-нибудь.

–Что? Фрэн, я же не специалист и я совсем не знаю твои вкусы!

Она неожиданно криво усмехнулась.

–Да я и сама не знаю свои вкусы. Посоветуй мне что-нибудь, Ева. Пожалуйста.

Я растерянно оглянулась в сторону кабинета Голда, но он не пришёл мне на помощь. Я смутно ощущала, что не должна, ни в коем случае не должна выбирать для Фрэн книгу, но, как обычно, затолкала свою интуицию подальше. Какого чёрта? Я же не хозяин и его колдовские привороты, я просто дам ей что-нибудь почитать, что-нибудь первое попавшееся. В глаза бросился синий корешок: «Маленькая хозяйка большого дома». Я не любила эту книгу, меня всегда бесила героиня, но руки сами потянулись и вытащили небольшой томик.

–Держи. Джек Лондон.

Фрэн прижала книгу к груди.

–Я беру. Сколько?

Вся эта ситуация начинала меня нервировать. Фрэн и Нил, вторгшиеся в моё пространство и смущающие меня, книга, которую я явно не должна была продавать – всё моё естество кричало об этом, молчание мистера Голда – хотя он тут, рядом и он всегда знает, когда кто-то приходит...

–15 баксов.

Фрэн расплатилась, и они с Нилом ушли, уходя, Нил позвал меня вечером на пирс, и я открыла рот, чтобы отказаться, но почему-то согласилась.

Дверь за ними закрылась, но я осталась в помещении не одна. Я повернулась и, скрывая беспокойство, прямо посмотрела в глаза Роберту Голду.

–Ты дала ей книгу.

–Но, мистер Голд, я же и должна продавать людям книги...

–Да. Если они им нужны.

–Ну а если они не могут определиться? Что в этом такого, она попросила, я ей помогла. В конце концов, это же всего лишь книга. И я заработала нам 15 долларов.

Голд смерил меня тяжёлым взглядом.

–Разбираться в том, что натворила, будешь сама.

Глава 5.

Всё иначе

Моя жизнь изменилась. Теперь я редко бывала одна. Днем ко мне всегда заглядывали Фрэн и Нил, они утаскивали меня на ланч. В лавку они больше не заходили, ждали снаружи. Я показала им свое любимое место, и мы каждый полдень проводили на гладком, нагретом солнцем камне. Фрэн и Нил размышляли о будущем, представляли, как им понравиться в колледже. Обоих приняли в Портленд. В будущем Нил планировал стать архитектором, Фрэн – экономистом. Они шутили: «Я буду рисовать дома, а Фрэн зарабатывать деньги, чтобы их построить». Я по большей части слушала.

Однажды я призналась им, что раньше частенько пела тут одна и Фрэн не рассмеялась, а предложила спеть дуэтом. Я согласилась и вышло неожиданно хорошо. Наши голоса идеально дополняли друг друга и с тех пор мы пели вдвоем, а Нил слушал нас, и казалось, в такие моменты уносился куда-то далеко. Иногда он подпевал и его сильный, низкий голос гармонично вплетался в общую мелодию.

Эти ежедневные встречи на камне – одно из самых счастливых воспоминаний моего сердца. Столько еще плохого, грязного и тяжелого случится в наших судьбах, но эти три недели июля 1994 года мы невинны, чисты, влюблены и полны радости и света.

По вечерам я теперь шла на пирс, где собиралась вся компания. Я поговорила с родителями, и мне разрешили эти встречи, только Па поставил два условия: я не пью ни при каких обстоятельствах и всегда возвращаюсь до 11. И каждый вечер кто-то из парней провожал меня домой. Иногда это был Ник, и тогда мы всю дорогу молчали, иногда Мартин или Генри, и мы смеялись до упаду, прикалываясь даже над фонарными столбами.

Но только когда со мной шел Нил, полчаса пути превращались в волнующее приключение. С ним я не зажималась от смущения, но и не испытывала потребности доказывать свою интересность. Мы болтали обо всем на свете, а иногда даже о том, чего на свете не может быть. Рассуждали одинаково серьезно о любви, дружбе и клипе «The Sign» Ace of Base, о семье и потусторонних силах, внеземных цивилизациях и нирване². Казалось, что Нилу интересно со мной, так же, как и мне с ним и на один час в день я забывала, что он занят, что он чужой. Как-то само по себе вышло, что скоро отводить меня домой стал всегда он и все это воспринимали само собой разумеющимся.

Я страдала. Легко было любить Нила со стороны и приписывать ему разные замечательные качества, но невыносимо трудно оказалось находиться с ним и понимать, что он действительно такой: добрый, сильный, великодушный – и принадлежит другой. Я бы возненавидела Фрэн, за то, что она владеет им безраздельно, и мне бы стало легче, но и этого я уже не могла. Узнав обоих, я понимала, какой они были идеальной парой, совершенные во всем. Она так ему подходила, так гармонично смотрелась рядом! Я была влюблена в них обоих.

День, когда все изменилось, начался как обычно. Близилось время обеда, и я уже с нетерпением поглядывала на часы, ожидая друзей. Но пришла одна Фрэн. Она выглядела странно: всегда аккуратные золотистые локоны были потускневшими, под глазами залегли темные круги, лицо было опухшим и в пятнах, как будто Фрэн долго плакала.

Я растерялась: да, мы дружили, но до этого дня в нашей дружбе было много покровительства с ее стороны и восхищения с моей. И сейчас, видя слабость своего кумира, я не знала, как себя вести: расспросить ее? А вдруг она не хочет показывать вида? Попытаться утешить? А вдруг она посчитает это слишком фамильярным? Но Фрэн сама бросилась мне на грудь и

² Музыкальной рок-группе, но и высшей цели устремлений верующих в раннем буддизме

зарыдала, вцепившись в рукава моего платья. Я несмело обняла ее. Не сразу, но я разобрала отдельные фразы: я люблю его, я не должна его любить, я не могу больше прятаться, Элли нас видела.

Я ничего не понимала.

–Фрэн, Фрэн, о чем ты? При чем тут вообще Элли?

Она отстранилась от меня, вытерла рукавом лицо и сказала внятно и четко:

–При том, что мы с Ником тайно встречаемся и сегодня утром она застучала нас, когда мы целовались.

Я смотрела на нее во все глаза. Из моих уст вырвался вопрос, который волновал меня в данный момент больше всего:

–А как же Нил?

–Да при чем тут Нил? Нил- хороший мальчик. Но он еще такой ребенок! И совсем не похож на своего брата.

–Но Ник же старший, Фрэн! Ему 25!

Фрэн рассмеялась и посмотрела на меня снисходительно.

–Какая же ты еще глупенькая, Еви...

Мало-помалу все выяснилось. Оказывается, искра между ними проскочила с самого приезда Ника. Но они с Элли встречались пять лет, были помолвлены, а Фрэн была девушкой его брата. Какое-то время оба старательно делали вид, что ничего не происходит и по возможности избегали друг друга. Но в тот первый вечер, когда они отправились меня провожать...

Оставшись вдвоем, Ник повел Фрэн к дому, но само собой получилось, что она оказалась в его объятиях и они целовались, целовались, она убегала от него, он ее догонял, они снова целовались, она плакала, он ее утешал, они долго разговаривали и она пробралась к себе в комнату только под утро. И с тех пор оба сошли с ума: днем пытались делать вид, что безразличны друг другу, а ночью мчались на запретные свидания.

–Если бы ты знала, какая мука находиться по вечерам в одной компании и когда каждую секунду рядом Нил и Элли...

Меня словно обожгло:

–Вот почему ты все время отправляла Нила провожать меня? Сама в это время выкраивала минутку, чтобы пообжиматься с Ником?

Она виновато кивнула:

–Ева, да, но ты ведь тоже не оставалась в накладе: все знают, как сильно тебе нравится Нил...

Во рту у меня стало кисло. Все знают? Мои чувства что, написаны у меня на лице? И Нил знает? Они просто смеялись надо мной!

–Ты использовала меня. – с трудом выговорила я. Где-то глубоко подступали злые, лютые слезы, но я никогда, никогда бы не расплакалась при Фрэн. Теперь – никогда.

–Я думала, мы подруги.

–Ева, мы подруги! Ты –необыкновенная и подумай, ведь я пришла именно к тебе сейчас. Ты дала мне тогда эту книгу, и я прочитала ее, и поняла, что там все, все про меня! «Когда я подле него – мои руки обнимают вас, прежде чем я успеваю отдать себе отчет в том, что делаю. Конечно, кому-нибудь будет больно. Но вся жизнь – страдание. Умение жить состоит в том, чтобы свести страдание до минимума».³ Я знаю, что я поступаю правильно, Ева, пойми меня.

Холодная скользкая змея страха протянулась вдоль моего позвоночника: «ты дала мне тогда эту книгу». Сердце ухнуло куда-то в живот – мистер Голд, мне нужен мистер Голд.

–Уходи, Фрэн.

³ Цитата из Джек Лондон «Маленькая хозяйка Большого дома»

–Ева, пожалуйста, мне нужна ты, Ева, скоро весь город узнает, Ева, не оставляй меня одну.

–Ты не думала обо мне, когда подсовывала мне своего парня, а сама прыгала в койку другому. Ты бы сказала мне, Ева, займи его получше, нам надо больше времени. А может, ты Нилу говорила? Обрати внимание на эту глупышку, она без ума от тебя, не хочешь ее? – злые, горькие, несправедливые слова душили меня, я выплевывала их и понимала, что никогда уже не смогу поверить никаким своим воспоминаниям – они все были облиты липкой чернотой.

Фрэн наконец-то поняла. Широко раскрыв свои прекрасные глаза, она с ужасом смотрела на меня.

–Прости, – прошептала она и бросилась прочь из лавки.

Мне не хватало воздуха, глаза горели невыплаканными слезами.

–Мистер Голд, – хрипло позвала я.

–Я здесь. – его голос за моей спиной придал мне опору. Я представила, как я брошусь ему на грудь и буду плакать, плакать, плакать...

Нет.

Я умею быть сильной. Я буду сильной.

–Мистер Голд. Вы же не просто книжки людям продаете?

–Не просто.

–А что же вы делаете?

–Меняю судьбу.

–Книжкой?

–Просто книга сама по себе никогда ничего не сделает. Но правильные слова, упавшие в нужное время в подготовленное сознание... Ты только что сама убедилась в силе книг.

Я повернулась к мистеру Голду лицом.

–Это ведь я во всем виновата? Вы предупредили меня, а я не поверила.

Голд сочувственно посмотрел на меня, но не стал успокаивать.

–Да, Ева, это твоя вина. Эта история ткалась по-другому и Фрэн должна была выйти замуж за Нила, как Элли за Ника, но ты вмешалась и перепутала нити. И весь рисунок судьбы пойдет сейчас по-другому и вплетены в канву жизни не только этих четверых, но и твоя. Однажды ты оглянешься назад и увидишь.

–Мистер Голд, что я могу сделать, чтобы исправить сломанное?

–Ничего. Нельзя вернуться в прошлое, не нарушив будущее. Но я научу тебя, как правильно выбирать книги, чтобы больше ты не навредила ни себе, ни другим.

–Научите? Вы считаете, что после того, что случилось, я захочу учиться вашему колдовскому искусству?

–Ты уже учишься. Ты не поняла еще?

Розовая пелена влюбленности, заслонявшая мне все, кроме Нила, наконец-то упала с моих глаз, и я поняла, что да, конечно же, учусь, как я могла раньше этого не замечать. Все эти мои развлечения на тему того, какую книгу кому посоветовать, обсуждения моих записей с мистером Голдом, сама работа в этой лавке... Для одного дня было слишком много информации, меня затошнило.

–Отпустите меня домой.

–Хорошо. Иди. Придешь, когда будешь готова.

Ничего не ответив, я заторможено, как сомнамбула вышла из магазина и отправилась к себе домой.

Чтобы понимать, насколько у нас все друг друга знают, скажу только, что, когда я пришла домой, папа и мама были дома – хотя не должны были в это время – и были в курсе событий.

Никто ни о чем меня не расспрашивал. Меня укутали в толстое одеяло и усадили в любимое папино кресло, подтащив к столу. Мама начала нарезать яблоки на пирог, хотя еще была

не осень, папа поставил на огонь какао. Знакомые и безопасные запахи корицы и горячего шоколада поплыли по комнате. Родители работали синхронно, спокойно и уверенно и глядя на их слаженные движения мой мир немного пришел в равновесие. Поставив пирог в духовку, мы перебрались в гостиную на диван- папа перенес меня на руках и усадил между собой и мамой. Мы включили телевизор и попали как раз на начало фильма – «Обнаженное танго». Станный, ненормальный, фантасмагорический фильм, явно непредназначенный для моих глаз – я до сих пор не понимаю, как родители позволили мне его смотреть. Единственное логичное объяснение – они думали, что я сплю, и я действительно словно бы плыла в какой-то синей дымке, но я до сих пор помню всю картину от первой до последней сцены. Я лежала у мамы на коленях и в какой-то момент увидела, как рука отца взяла ее руку и крепко сжала в своей. Это – последнее мое воспоминание того вечера, перед тем как я провалилась в сон без сновидений.

Глава 6. Все страньше и страньше

Несколько дней я не выходила из дома, хотя обрывки слухов все равно долетали.

Уэстбрук⁴ гудел. Скандал, каких не случалось с незапамятных времен! По вечерам у Ронни было не пробиться, каждый стремился высказать свою точку зрения и выслушать новую версию.

Обманутую Элли все жалели, Ника ругали, но как-то так, вяло – он был сыном банкира и вообще, весь его каменный надменный вид обрубал желание позлословить на его счет.

Зато от Фрэн все отвернулись. Вчера всеобщая любимица, кумир и идеал, сегодня она сделалась притчей во языцех, разлучницей и потаскухой. На стенах ее дома каждую ночь появлялись неприличные надписи, ее крыльцо забрасывали тухлыми яйцами, когда она осмеливалась пройти по улице, мальчишки свистели и насмешничали ей вслед.

Надо отдать должное Нику – он не отказался от нее и намертво стоял стеной, защищая свою любовь. Говорили, что между ним и его отцом произошел жуткий скандал, говорили, что мистер Нолан грозился на всю улицу лишить старшего сына наследства и содержания, если он не возьмется за ум, на что Ник просто молча вышел. Страсти кипели в людских умах, то и дело выплескиваясь наружу слухами и домыслами.

Я вернулась к работе. Мистер Голд никак не прокомментировал мое отсутствие, просто оставил список дел, а сам скрылся в своем кабинете. До обеда я сортировала книги, заказывала недостающие тиражи у поставщиков. Когда я протирала пыль в шкафу с редкими экземплярами, звякнул дверной колокольчик и в лавку вошел Нил.

«Все знают, что он тебе нравится».

Я мучительно покраснела.

–Ева, я давно хотел с тобой поговорить...

–Уходи, Нил. Я не хочу тебя видеть.

–Но Фрэн...

–Ни слова про Фрэн! Не говори мне про нее! Не смейте меня втягивать в ваши разборки – я в ярости метнула в него пресс-папье, которое Нил, обладающий реакцией отличного бейсболиста, поймал. Он растерянно повертел круглый тяжелый шар, потом подошел ко мне, аккуратно положил на стойку. Я стояла с круглыми глазами, прижав руки к груди – эта вспышка ярости удивила меня саму.

–Из тебя бы вышел неплохой питчер. Может, потренируемся как-нибудь вечером? – и Нил ушел, не оглядываясь.

Я смотрела, как его фигура скрывается за углом, потом бросила пыльную тряпку на стол и решительно вошла в кабинет мистера Голда.

–Все эти книги, которые вы мне предлагали почитать, начиная с моих семи лет: вы меняли мою судьбу?

Брови Голда поползли вверх, он отложил свои записи, вздохнул, снял очки, протер стекла, снова надел, указал мне на стул.

–Садись.

Я упрямо осталась стоять, он молча ждал, пока я перепсихую. Готовая лопнуть от злости и пытаящая, как самовар, я плюхнулась на сиденье.

–Никогда.

–Что?

–Ответ на твой вопрос. Я никогда не менял твою судьбу. Направлял, да, но не вмешивался, только наблюдал.

⁴ Штат Мэйн, США

–Вы с самого начала знали, что я умею то же, что и вы?

Он покачал головой.

–Я подозревал с... С определенного момента. Но не был уверен до этого лета.

–Тогда почему вы выбрали меня?

Он усмехнулся:

–А разве я тебя выбрал?

Он открыл нижний ящик стола и достал изящную коробку, обтянутую тисненой тканью, как дорогой переплет. Щелкнул замочком, раскрыл футляр, внутри на обитой синим бархатом подкладке, лежала кукла.

Я словно перенеслась на десять лет назад, к витрине только открывшегося магазина и увидела девочку, днями простаивавшую перед стеклом и разговаривавшую с куклой.

–Эмили... Бель. Я никогда с того дня больше не видела ее и даже не вспоминала. Почему вы спрятали ее?

–Лучше спроси, почему я ее тогда достал. Я никогда не показываю ее посторонним, но тут меня словно толкало в спину, пока я не согласился и не сделал так, как она хочет.

–Она? Кукла?

–Подойди к синему шкафу.

Я осторожно приблизилась к личному шкафу мистера Голда. Его кабинет был для меня под запретом, я никогда не смела не то, что трогать, даже рассматривать книги, спрятанные там.

–Верхняя полка, слева. Зеленый том в бархатном переплете.

Я осторожно потянула за корешок, вытаскивая книгу. Но это была не книга, а альбом. Фотоальбом, старинный, у родителей тоже есть такие, остались от бабушек и дедушек.

Я аккуратно положила альбом на стол между мной и мистером Голдом, не осмеливаясь даже дышать.

–Открой. Не бойся.

С первой страницы на меня смотрела улыбающаяся пара в свадебных костюмах. Элегантный импозантный жених с прической из фильмов про крестного отца и юная, сияющая невеста в пышном платье и королевской шляпке. Следующая страница. Снова они, на палубе лайнера. Они на фоне Эйфелевой башни. В арабских костюмах. В джунглях амазонки. В изысканном ресторане. Везде они, всегда вдвоем, улыбающиеся, счастливые.

Молодой мистер Голд и ...Бель.

У меня пропал дар речи. Голд нежно погладил лицо жены на фото.

–Моя Эмили. Мы поженились, когда мне было тридцать пять, а ей всего-навсего семнадцать. Невинное и нежное дитя. Я до сих пор не могу поверить, что она выбрала меня. До встречи с ней я не верил в любовь, не верил, что могу любить. Я презирал и предавал людей. Я был чудовищем. Эмили... я не знаю, что она во мне нашла. Но она всегда видела во мне лучшее, она видела во мне свет. Я много раз обманывал ее ожидания, но она всегда прощала меня и продолжала верить. Красавица, которая изменила чудовище. Моя Бель.

Всего тридцать лет мы были вместе, а потом она умерла.

И мне не осталось ничего, кроме этой куклы. Я подарил ее Эмили на свадьбу, и она была в восторге, всюду таскала за собой.

Я тронулся умом, каждый вечер разговаривал с фарфоровой игрушкой, пытался найти причины, почему я должен остаться на этой земле, когда она ушла. И не находил. Но однажды ночью, в предрассветный час, мне приснился ваш город. Главная улица, в конце улицы мой магазин и на витрине Бель. И я понял, что мне дали ответ.

Пересохшими губами я выговорила вопрос:

–Мистер Голд... А где вторая кукла?

Он замер:

–Как ты догадалась?

–Не знаю. Просто ощущение. Вы на всех фотографиях вместе, это свадебный подарок, футляр слишком широкий. Должна быть еще ваша фигурка, что с ней случилось?

–Я сломал ее. Я хотел сломать две, но вторую не смог. Не снова.

–Но почему вы не выбрали для себя книгу, как выбираете для других? Почему не изменили свою судьбу?

Он закрыл альбом.

–Ты думаешь, я не пытался? – Он криво, безобразно усмехнулся. – К сожалению, для нас это не работает. Никаким волшебством нельзя изменить то, что изменить нельзя. И это второй урок книжной магии, который ты должна усвоить.

–А первый?

–А первый ты уже знаешь. *Noli nocere*.⁵

⁵ Не навреди (главный принцип медицинской этики)

Глава 7. Бабочки в животе

Начались дни моего ученичества.

Голд был жёстким, суровым наставником и нещадно заставлял зубрить километры информации. Я представляла себе, как буду пристально вглядываться в портреты людей и вещать об их будущем, а вместо этого учила латинские пословицы, читала скучнейшую историю искусства от античности до наших времён и, помимо этого мучительно продвигалась вдоль громадных списков литературы, составленных Голдом и в конце каждого меня ждал адский экзамен. Обучение волшебству подозрительно напоминало учёбу на литературном факультете. Отрадой было, когда Голд начинал рассказывать про исторические периоды и биографии деятелей – читал лекции. В его изложении все эти скучные сухие даты и портреты оживали, обретали плоть и кровь, жили, любили, страдали, мухлевали, воевали и подставляли друг друга напропалую.

Я всё так же записывала всё, что бы посоветовала проходящим к хозяину клиентам, но теперь дело не ограничивалось простым высказыванием вроде того, что я посоветовала бы мистеру Хили Кена Кизи. Голд вытряхивал из меня всё, что я знаю о мистере Хили, где, с кем и как он живёт, работает и о чём разговаривает вечерами в баре у Ронни.

Голд сам всегда подмечал тончайшие детали и учил меня подмечать их. Это вынимало из меня душу, мне всегда трудно было видеть за лесом отдельные деревья, и я часто вспыхивала, как спичка, взрываясь: у меня никогда не получится, я бездарность, я пустое место!

Голд никогда не утешал и не ругал. Уходил в кабинет и переживал истерику, и когда я входила к нему, опустив голову, продолжал с того же места, заставляя всё-таки сделать то, что нужно.

После работы я теперь возвращалась домой. Я полюбила коротать вечера на диване с родителями. Окружённая по бокам их такими надёжными фигурами, я чувствовала, что у меня есть опора, за которую я могу держаться.

По моим впечатлениям прошло огромное количество времени, но на самом деле был всего лишь конец июля, когда я снова увидела Нила.

Я некоторое время не ходила к камню, на ходу в лавке съедала свой сэндвич и снова принималась за чтение, но сегодня с утра Голд свирепствовал особенно сильно, и я поняла, что если не подышу воздухом, то просто начну кричать и не смогу остановиться. Когда я вышла на улицу, ноги сами меня понесли в сторону побережья. Подходя к камню, я издали заметила, что там кто-то есть и хотела уже развернуться обратно, но тут фигура помахала мне рукой.

Нил.

Я подошла ближе. Мы не разговаривали с ним с момента ссоры в лавке, и я совершенно не знала, что с ним происходит.

«А ведь это его любимая девушка изменила ему с его же родным братом. А ты ноешь и жалуешься на жизнь»

Мне стало стыдно. Нил никогда не ставил меня в неудобное положение, и я уверена, что в том, как он разговаривал со мной, не было никакой насмешки. Так почему же я вела себя как идиотка?

«Он свободен.» – вдруг поняла я. «Он свободен, а ты боишься, что всё равно не сможешь соперничать с Фрэн».

–Нил, прости. – я хотела сказать это мило, но вышло так, что пробурчала, глядя исподлобья и ковыряя ногой песок. – Я вела себя как малолетка.

–Ну ты и есть малолетка, поэтому я тебя прощаю. А я ведь каждый день сюда хожу. Мне не хватает наших встреч.

Я согласно кивнула. Это я понимала. Мне тоже не хватало.

Я разломил свой сэндвич пополам, неровно. Большую часть протянула ему.

—Как ты?

—Да странно как-то. Все спрашивают, что я чувствую.

—А ты?

—Я вроде норм. Фрэн и Ник со мной поговорили. У них там по правде лямур-тужур, прям жить друг без друга не могут. Жениться вот собрались. Старик в бешенстве из-за того, что они с Элли расстались, такая партия уплыла из-под носа, каждый вечер ор в доме стоит, хоть уши затыкай. Всё не может смириться, что у нас в семье не будет своих адвокатов. Но маму Ник перетащил на свою сторону, так что я думаю, скоро она его утихомирит.

Я удивлённо уставилась на него.

—То есть, вот так всё просто? Лямур-тужур и ты не переживаешь? А твоё сердце не разбито, ты не страдаешь из-за предательства Фрэн?

Нил фыркнул:

—Страдаю? Ты про то, чтобы аппетит потерять и не спать ночами? Нет, до этого мне далековато. Не понимаю я все эти страсти. Да и по правде сказать, мне давно больше нравишься ты.

—Я? Нил, ты что?

—А что я? Я, между прочим, правду говорю. Ну и подумай сама, стал бы я каждый вечер провожать домой девчонку, которая мне не симпатична.

Я растерялась. Оказывается, он сам хотел меня провожать!

—Но Нил, ты не перепутал? Фрэн же совершенство!

—Я что, похож на идиота, который не может понять, с какой девушкой ему хочется быть? Может, я не хочу видеть возле себя совершенство и каждый раз, когда она сделает такое лицо, как будто я её позорю, думать, что снова сказал что-то тупое. А ты смеёшься моим шуткам, ты сама смешная и не обижаешься сразу, чуть что не так. И ты красивая.

—Красивая?

—Ага. Мне нравятся твои волосы. Они такие... кудрявые.

Нил легонько потянул за выбившийся из косы локон, пропуская прядь между пальцами. Наши глаза встретились, лица потянулись друг к другу. Он прижался своими губами к моим, и мы на мгновение замерли в этом целомудренном поцелуе, а потом одновременно отодвинулись друг от друга.

—Мне пора возвращаться.

—Я проведу.

У магазина Нил спросил:

—Сегодня в баре сядешь снова к нам за столик?

Я смотрела на него, и мое сердце трепетало, как бабочка.

—Да.

Остаток дня я порхала. Голд кисло смотрел на меня, но никак не комментировал глуповатую улыбку, то и дело расплывающуюся на моём лице.

Домой я летела. Скорей, скорей переодеться во что-нибудь нарядное!

В поисках одежды, в которой я бы выглядела уместно, но празднично, привлекательно, но не вызывающе, соблазнительно, но не доступно, и при всём при этом незаметно, что сильно старалась, я перемеряла весь шкаф, но так и не определилась. Вот если бы Фрэн была здесь, она бы точно посоветовала, что выбрать!

«Ага, на почти-свидание к её бывшему» —влез внутренний голос.

Я с горестным стоном упала на кровать.

В комнату заглянула мама и при виде кучи одежды на кровати её брови поползли вверх.

—Нечего надеть?

—Совершенно! Мама, у меня нет нормальной одежды!

Она понимающе улыбнулась.

–Свидание?

Фу! Не хватало ещё с мамой обсуждать такие вещи!

–Нет! Просто...просто встречаемся всё вместе.

–А, ясно. Я думала помочь. Не как мама, а как подруга.

–Да? —я скептически глянула на неё. –Ну и что бы ты посоветовала?

–Вон то чёрное платье с цветами. В котором открытые плечи.

–Ты сейчас как мама или как подруга говоришь?

–Как мама я бы напялила на тебя вон те огромные джинсы и зелёный глухой бабушкин свитер. Колочий.

Я рассмеялась.

–И часто тебе хочется меня так укутать?

–Всегда. А ещё лучше засунуть обратно в матросский костюмчик и заплести два хвостика. Но я держу себя в руках. Примерь платье.

Я надела. Я его уже мерила, но сняла практически сразу же, не всматриваясь. Не то. Но при повторном рассмотрении мне понравилось мое отражение. Я выглядела в этом платье совсем взрослой, как будто мне уже 18 и очень красивой. Изысканной. Мне понравилось, как это слово перекатилось у меня во рту, и я повторила, глядя на себя в зеркало:

–Я – изысканная.

Мама утёрла рукавом глаза, и колдовской флёр мигом слетел с меня.

–Мам! Ты что, ты плачешь?

–Нет. – она обняла меня за голову, поцеловала макушку. – Просто ты так быстро выросла. Дай я на тебя посмотрю.

Я покружилась перед ней.

–У твоей мамы неплохой вкус, да?

–Кто там обсуждает вкус моей жены? – папа просунул голову в дверь и удивлённо при-свищнул.

–И вы ещё жалуетесь, что я вам мало покупаю нарядов? Да здесь одежды на маленькую африканскую страну! Ради чего этот показ мод? Ведь не из-за караоке у Ронни ты так разоделась же? Эли, и почему на нашей дочери такая короткая юбка?!

–Па!

–Джек!

–Нет, ты только посмотри, Элена, если она наклонится, всё будет видно!

–Джек, пойдём. Нам тоже пора собираться. Посоветуешь, какой длины юбку выбрать мне. – и мама вытолкала не прекращающего ворчать папу за дверь.

Глава 8.

Crazy

Этим вечером в баре было битком. Неделю наш городок потряхивало от блуждавших слухов и сегодня все собрались, чтобы окончательно прийти к единому мнению.

Я протиснулась к компании Нила. Все выглядели не такими веселыми, как обычно. Никто не знал, как реагировать на случившееся. Фрэн была своей, но ее все осуждали, и кроме того, она обидела Нила, по шкале популярности стоящего выше. Но вот он, Нил, совершенно спокойный и не выглядящий несчастным, и кажется, совсем не в обиде на Фрэн. Главная загвоздка была в Нике: он был старше, он был для нас старым. Мы никогда раньше не сталкивались с таким, если у молодых девушек что-то и происходило со взрослыми мужчинами, то всегда втайне, за закрытыми дверями или же это было решением родителей, но, чтобы так, со страстью и вызовом, отринуть все и в омут с головой- наши цыплячьи мозги еще не понимали этого. Да, мы много говорили о любви и много в любовь играли, но на самом деле еще только учились любить.

В восемь вечерам к микрофону вышел первый человек, старый Марк, который всегда пел первым и всегда одну и ту же песню: "Для тебя, Рио-Рита". Заезженный хит времен его молодости сегодня звучал по-другому, и, наверное, впервые я вслушивалась в слова.

*К тебе, Рио-Рита,
Пришел я под балкон, о, сеньорита.
Тебе, Рио-Рита,
Отдам и жизнь свою я, и любовь.
Поцелуй меня страстно,
Быть с тобой так прекрасно.
В тебе мое счастье,
Позволь ласкать тебя мне вновь и вновь.⁶*

Я задумалась над тем, каково это – быть чьим-то счастьем? Быть не самой по себе, хранить в себе не только свои мысли, чувства, надежды, но и кого-то еще, кого-то особенного. Как это – когда тебя ласкают вновь и вновь? Я посмотрела на Нила и покраснела. Он заметил и улыбнулся. Лето подходило к концу, но в его глазах была весна.

Сегодня все песни были для меня и про меня. Я плыла в мире музыки и в каждой строчке, каждом витке мелодии видела смысл. Я давно была влюблена, но только в тот вечер позволила себе по-настоящему почувствовать это.

К одиннадцати я была пьяна от впечатлений дня. Близилось время, когда обычно пели подростки – с тем, чтобы потом отправиться по домам, ну или просто долой с родительских глаз. Я решила, что не буду сегодня выступать: в моем животе прыгали солнечные зайчики и я боялась, что как только я выйду на сцену, все сразу заметят во мне перемены.

Уже наклонившись к Нилу прошептать, чтобы он отвел меня домой – поцелует он меня еще раз или нет? – я случайно бросила взгляд на входную дверь. В зал входила Фрэн.

Ее не сразу заметили, но скоро приливная волна шепотков обежала бар и схлынула, оставив зияющее молчание. В полной тишине Фрэн процокала каблуками к стойке. Люди расступались перед ней.

Она была прекраснее, чем обычно. Сияющая, как падший ангел, ее красота разила так, что было больно смотреть.

Случайно или нарочно, но она была одета не как вчерашняя девчонка, но как соблазнительная женщина: в облегающее черное вечернее платье и переливалась в искусственном освещении подобно черному опалу.

Ник тоже пришел, но за ней не последовал. Кивнул Нилу и встал у двери, скрестив руки, как мрачный пират: только попробуйте ее обидеть. Я попробовала посмотреть на Ника другим взглядом, взглядом влюбленной Фрэн: он был высокий, очень высокий и при этом широкоплечий, с широким, жестким, лицом. Он был красив, но никому бы и в жизни не пришло назвать его милым или смазливym. Это был мужчина, сильный и опасно притягательный, на самом деле довольно молодой – 25 лет. У них с Фрэн было 6 лет разницы: столько же и у моих родителей, вдруг поняла я. Перевела взгляд на маму и папу: крупный хищный брюнет и хрупкая тонкая блондинка: аналогия была такой явной, что я внутренне вздрогнула и стянула видение.

Ронни встретила Фрэн сухо. Скрестив руки на груди, она прямо смотрела ей в глаза:

– Тебе тут не рады, девочка. Лучше бы вам с кавалером уйти.

Фрэн не дрогнула.

– Сегодня пятница. Каждый может спеть все, что его душе угодно. Я хочу спеть. Или откажешь мне?

Ронни стояла в тени и нельзя было разглядеть выражение ее глаз.

⁶ «Для тебя, Рио-Рита» ([англ. For You, Rio Rita](#)) – популярный [пасодобль](#) 1930-х годов.

Все затаили дыхание. Неписаным и нерушимым правилом было, что кто бы ты ни был – молодой, старый, нищий, богач, взрослый, ребенок – ты можешь выйти на сцену, как бы неумело или плохо ты не пел, и одна песня всегда принадлежала тебе. Вторую должны были попросить, но первая – твоя по праву.

Ронни взяла стакан со стойки и начала его тщательно протирать.

–Пой.

–Даже не дашь мне микрофон?

–Нет.

Фрэн усмехнулась, но казалось, не огорчилась. Повернулась к залу лицом, оперлась руками о стойку и легко запрыгнула наверх.

Люди загудели: неслыханная наглость! Немыслимо! Эта девчонка вконец сошла с ума!

Фрэн начала петь легко, без всяких пауз и подготовок, совершенно не смущаясь отсутствием музыки.

Иди сюда, детка.

Знаешь, меня бесит,

Как ты пытаешься добрыми поступками загладить вину после своих шалостей.

По-моему, мы чаще занимаемся примирением, чем любовью.

Такое ощущение, что ты всегда думаешь о чём-то своём, только не обо мне.

Детка, лучше избавляйся от этих безумных привычек, слышишь меня?⁷

Мое сердце пропустило удар. Эта песня! Сколько раз мы пели ее у камня, веселясь и пузырясь от собственной дерзости, ведь это явно было не то, что можно исполнить перед толпой знакомых и родственников. Мы притворялись, что мы Лив Тайлер и Алисия Сильверстоун, Нил, изображая Дина Келли, жеманно откидывал голову назад и призывно вилял бедрами, а мы с Фрэн извивались вокруг него и надували губы, пока смех не начинал душить нас и мы не валились на траву от дикого хохота.

Я посмотрела на Фрэн. Фрэн смотрела на меня.

«Она поет для меня, не для Нила» – эта мысль обожгла, как кипящее масло, бабочки в животе камнем упали – я тоже отвернулась от нее, я бросила ее, как и все остальные, я, которая называла себя ее подругой – и я подхватила строфу в каком-то стихийном порыве, даже не успев осмыслить, какого черта сейчас делаю.

Скажи, что ты уезжаешь на семичасовом поезде

В Голливуд.

Детка, ты мне это уже столько раз говорила!

Я уже начинаю привыкать к мысли, что плохо – это хорошо.

Такая любовь превращает человека в раба.

Такая любовь загонит кого угодно в могилу.

И сразу стало легко. То, что мы делали, что пели, было вызывающим и неправильным, но одновременно самым правильным в данный момент. Я видела, как вспыхнули глаза Фрэн, как прежняя лукавая улыбка озарила ее лицо, вернув обратно прежнюю Фрэн, девчонку, влюбленную, напуганную, запутавшуюся, мечтающую о любви, как и все мы, но неожиданно ее получившую.

Я прошла через бар и запрыгнула рядом с ней на стойку и куплет мы допевали в унисон, болтая ногами в воздухе.

Я схожу с ума, детка, я схожу с ума.

Ты меня заводиишь, а затем – тебя и след простыл... Да, тыводишь меня

⁷ Aerosmith "Crazy" Come here, baby You know you drive me up a wall The way you make good for all the nasty tricks you pull Seems like we're making up more than we're making love And it always seems you got something on your mind other than me Girl, you got to change your crazy ways, you hear me

С ума. Я схожу с ума по тебе, детка!

Что мне сделать, любимая, мне так стрёмно!

Ни одна из нас не удивилась, когда после припева к нам присоединился еще один голос: Нил. Он лунной походкой появился из глубины зала, молодежь заулюлюкала и стала отчаянно ему хлопать. Сняв воображаемую шляпу, он протянул нам обе руки и ухватившись за наши ладони, легко вспрыгнул на барную стойку и запел в воображаемый микрофон, отчаянно вихляя бедрами:

Ты собираешь свои вещи и говоришь жестким тоном,

Что тебе пора.

На фразе

Но я-то знаю, что под этим пальто ты совершенно обнажённая,

Нил лихо задрал вверх майку и страстно погладил себя по животу, соблазнительно надувая губы трубочкой.

Люди начали переглядываться. Некоторые явно сердились на этот фарс, но большинство уже смеялось в голос.

Детские безумные выходки – это было для них понятным злом, они знали, как на это реагировать и как с этим бороться. Нам стали хлопать и подпевать и когда закончилась песня, на мгновение все стало почти так, как было.

Но только на мгновение.

Фрэн взглянула на нас с Нилом печальной улыбкой, обняла сразу обоих и бросилась к выходу, в объятия Ника. Они ушли вместе, он держал ее за талию и его вид говорил, что он готов сражаться за нее со всем миром сейчас и потом.

Передо мной материализовались родители и я второй раз за вечер поразились тому, как похожи эти две пары: Фрэн и Ник, Елена и Джек. А если сходство не только внешнее? «Когда-то у твоей мамы была другая жизнь. Когда-то у твоей мамы был другой муж» неприятно прошептал коварный голосок внутри меня. Мама была очень серьезной и смотрела на меня так, как будто читала мои мысли, мне стало неудобно.

– Я, пожалуй, пойду.

– Да, пожалуй, тебе пора. – в папином голосе была насмешка и еще он сердился. Немного, но сердился.

– Вы тоже идете?

– Нет, мы с мамой придем позже. Ложись, не жди нас. Нил, ты проведешь ее? – Папа даже не спрашивал, он утверждал, как будто то, что Нил меня проведет, было делом утвержденным.

– Да, мистер Райан. Конечно, я проведу. Не волнуйтесь насчет этого.

Мы шли домой дорогой, которой ходили целое лето, но в этот раз все было по-другому. В нашем молчании появилось напряженное ожидание, каждый хотел сделать первый шаг и ни один не осмеливался. Мы попробовали было обсудить произошедшее в баре, но разговор не клеился, оба думали о другом. Скоро стал виден наш дом, до него оставалось не более пяти минут медленным шагом. Как по команде, мы остановились.

– Я пойду.

– Хорошо. Пока.

Оба не двигались с места.

Мы потянулись друг к другу одновременно. Этот поцелуй был уже совершенно другим, не таким робким, как утренний. Оба были уверены, что хотим одного и того же. Стоя на крыльце, мы обнимались, целовались, шептали разные глупости, которые всегда шепчут влюбленные.

Больше часа пролетело как один миг, но время было уже позднее и скоро должны были вернуться мои родители. Нехотя мы разомкнули объятия.

– Я зайду завтра вечером.

– Я буду ждать.

Нил повернулся, чтобы уйти, но через несколько шагов вернулся и снова меня поцеловал. Я вдыхала его запах: свежий ветер, стиральный порошок, яблоки, ароматное сено. Хотелось зарыться в его кожу и остаться в ней навсегда, хотелось засунуть его в карман и унести с собой, одно только было нестерпимо – расклеить свои тела и распрощаться до завтра.

Нет, расстаться было совершенно невозможно.

– Давай, отпусти меня. Тебе пора.

– Я не держу.

– Держишь.

– Держу.

– Тогда отпусти.

– Не отпущу.

Глупости, дурацкие глупости. Самые важные глупости на свете.

Прощай, прощай, а разойтись нет мочи! Так и твердить бы век: "Спокойной ночи" – ⁸ герои Шекспира знали, что говорили, когда не могли остаться друг без друга ни на секунду. Чувство нахлынуло на нас в одночасье, еще вчера мы вполне спокойно жили друг без друга, но сегодня нас пронзила стрела Амура и мы сдались без боя. Любовь накрыла нас с головой, и никто не собирался ей противиться.

В отдалении послышались голоса и это наконец-то протрезвило любовную горячку. Нил скрылся за домом, я вбежала в свою комнату, мигом разделась и юркнула в постель, притворившись, что сплю.

Скоро на лестнице раздались шаги и дверь в мою комнату приоткрылась: зашли меня провести перед сном. Мама подоткнула мне одеяло, поцеловала в лоб. Она пахла не так, как обычно. К привычной смеси тумана, холодной воды, лаванды и горькой вишни примешивался запах коньяка и табака. Мама курила? Я крепче зажмурила глаза – сейчас они уйдут, а я смогу пересмотреть в голове все, что произошло сегодняшним вечером.

Но родители не спешили.

– Спит? – это папа. Он тихонько подошел к кровати и сел на пол рядом, погладил меня по волосам.

– Спит как младенец.

– Да только уже не младенец. Ты видела, как они с мальчишкой Ноланов смотрели друг на друга? Эли, когда наша малышка успела так вырасти?

Я прямо слышала, как мама улыбается.

– Они всегда вырастают, Джек. Вырастают и улетают. И мы можем только надеяться, что дали им хорошие корни и крепкие крылья.

В ее голосе была светлая грусть. Я знала, что сейчас она думает о своих сыновьях, моих старших сводных братьях: Рэн и Рику. Они давно жили отдельно, обзавелись семьями и приезжали несколько раз в год.

– Мне не нравится этот парень. Он какой-то ненадежный.

– Он юный.

– Он слишком легкомысленный.

– Он влюблен в Еву, а она в него.

– Элена, они подростки! Сама знаешь, какие они в этом возрасте. Я опасаюсь...

– А я рада, что у **нее** это будет нормально.

– Ей всего 17!

– У меня в 17 лет уже было двое детей.

– Все, все, я сдаюсь! Но все это – такие вещи выбивают из колеи, знаешь ли! Я не готов.

⁸ Из Ромео и Джульетты

– К такому никогда не бываешь готов. Пойдем, Джек. Мы разбудим нашу дочь.

После их ухода я долго лежала без сна. Этот невольно подслушанный разговор оставил меня в смятении. Они знают про нас с Нилом? Но мы же еще и сами толком не знали! И эти туманные фразы... Про секс. Они боятся, что у нас с Нилом будет секс. А он будет? Хочу ли я этого?

В голове замелькали воспоминания о жарких поцелуях, я позволила себе в своих фантазиях зайти дальше: вот Нил снимает мою футболку, и я стою перед ним в одном лифчике, он просовывает пальцы в чашечки бюстгалтера и гладит мою грудь, расстегивает джинсы и...

На этом мои точные знания заканчивались и дальше начиналась серая область сплетен, намеков и тайных хихиканий в раздевалках. Говорили, что нужно обязательно в постели не закрывать глаза, чтобы было сексуальней. Нет, не смотреть ни в коем случае, иначе парень подумает, что ты шлюха. Язык в рот не просовывать, но если он просовывает свой, не сопротивляться. Нил не засовывал мне свой язык в рот, и я где-то была очень этому рада. А пенис? Ни с одной частью тела не было связано столько темных дыр, как с пенисом! Он твердый. Нет, мягкий. Сначала мягкий, потом твердый. Говорят, подруга одной подруги одной девчонки как-то занималась сексом с парнем, а тут пришли его предки и она так испугалась, что зажала его пенис и сломала. Потом пришили обратно. А как его потрогать? Можно трогать, но только в темноте. Аккуратно. Нет, посильнее. А некоторые, говорят, тут голос снижался до зловещего шепота, берут в рот. Минет. У каждой была таинственная знакомая, которая умела делать минет так, что мужчины теряли сознание от удовольствия и каждая из нас дрожала от страха, что уж она-то наверняка не сможет не то, что взять в рот, но даже и посмотреть на пенис, не говоря уже о том, чтобы дошло до секса. Во время которого, кстати, нужно обязательно подмахивать, чтобы тебя не сочли бревном. Интересно, как это подмахивать? Слово было непонятным, но все кивали с понимающим видом и спросить, выставив себя неопытной дурой, не решался никто. Все сходились только в том, что доподлинно известно, что в первый раз оно ужасно больно и неприятно, а во второй раз все равно больно, но уже приятней и с каждым разом оно все больше приятней, и все меньше больней. Так, незаметно, под эти волнующе-пугающие размышления я погрузилась в сон, но снился мне вопреки всему почему-то не секс, а Фрэн.

На следующий день я пошла к Фрэн. Они с матерью жили на тихой улице, в небольшом домике, увитом розами. Я позвонила в дверь, мне открыла миссис Джеймс. Ее лицо было усталым, но при виде меня она улыбнулась.

–Фрэн надеялась, что ты зайдешь. Она у себя, собирает вещи.

Собирает вещи? Но до колледжа еще больше месяца.

Однако Фрэн действительно сидела на кровати и перед ней был раскрытый чемодан.

–Уезжаешь?

Она не удивилась, увидев меня. Как будто и правда ждала.

–Да. Мы с Ником поедem в Портленд заранее, подыщем себе жилье и работу.

Вот оно как. Ник едет с ней.

–Значит, все действительно так серьезно?

–Серьезнее некуда.

–Но вы не слишком торопитесь? Может, стоит немного подождать?

Фрэн набрала воздуха в грудь и решилась.

–Поздно ждать. Я беременна, Ева.

Я ахнула.

–Скажи, что ты пошутила.

–Я не пошутила.

–Мама знает?

Она тяжело кивнула. Стало понятно, почему у миссис Джеймс такой вымотанный вид.

–Мама хочет, чтобы я...чтобы я избавилась от ребенка. Срок совсем маленький, она утверждает, что это безопасно.

–Но может она и права, Фрэн...

–Нет. – резко отрезала она. – Нет. Мы с Ником против.

Мы с Ником. Они уже были "мы". Интересно, я и Нил, мы станем "мы"?

–Фрэн, а как же твоя учеба, твой колледж?

–Мы все продумали. Мы будем совмещать. Я в этом году возьму побольше классов, в следующем, пока ребенок будет совсем маленьким- один, два, а еще через год смогу вернуться к полноценным занятиям. Ник найдет хорошую работу, он крутой специалист. Мы снимем квартирку. Мы поженимся в Портленде. У нас все будет хорошо, Ева, не смотри на меня так.

–Как?

–Как будто я превратилась в призрак. Как будто у меня выросла бородавка. Как будто ты меня жалеешь.

–Я не жалею, нет, ни в коем случае. – я замотала головой. – Фрэн, но вам же будет ужасно трудно! Не лучше ли бы вам тогда остаться здесь?

–Здесь? -Фрэн вытаращила на меня глаза, потом расхохоталась.

–Ева, святая простота, ты предлагаешь мне остаться в городе, где на моем заборе каждую ночь пишат "потаскуха" и где я не могу сделать ни шага, чтобы какая-нибудь жирная матрона не прошипела вслед "разлучница"? Отец Ника меня ненавидит, собственная мать считает, что я навлекла на нашу фамилию позор, Ева, как я смогу здесь родить и растить ребенка? – Фрэн сама не замечала, что плачет, ее щеки промокли, глаза блестели. Наконец она замолчала. Вытащила носовой платок, вытерла лицо, высморкалась.

–Прости, Ева. Ты еще слишком маленькая, чтобы все это понять.

–Да какого черта я маленькая! Я младше тебя на год!

–Почти на два. Мне осенью девятнадцать.

–Да хоть бы и на два! Ты тоже еще ребенок и твой залет не делает тебя автоматически взрослой!

Фрэн улыбнулась.

–На самом деле делает, но ты права. Я... Я просто не знаю, как себя вести и как держать и поэтому веду себя как высокомерная...

–Сучка.

–Точно. Прости.

–Хорошо. И ты прости, что не пришла сразу. Я злилась. Хотя это и было по-детски. Может, ты и права, может я и правда ничего не понимаю.

–Ничего. Это быстро пройдет. Вы с Нилом...вы сейчас вместе?

–Наверное. Да. Ты не против?

–С чего бы я могла быть против? Нил -хороший мальчик. Я же выбрала мужчину. Вы с Нилом хорошая пара.

–Фрэн, я тебя хотела спросить...– я замолчала.

–Про секс? – она ухмыльнулась, а я покраснела.

–Да! Фрэн, ты сама знаешь, что говорят девчонки после физкультуры. Но ты-то уже знаешь наверняка...

– Опытная? – она откровенно насмеялась надо мной. -А ты уже собралась с Нилом заняться этим? Рассказать тебе, какой у него...

– Нет! Боже, нет. Фрэн! – от стыда я закрыла лицо руками. -Я пойду домой.

– Ева, стой. Прости меня. Просто у тебя было такое лицо, что я...-Фрэн обняла меня.

– На самом деле всего три совета:

Не бойся. Все не так больно, как расписывают. Не стесняйся. Если уж решилась раздеться перед парнем – доверяй ему. Ну и самое важное – не соглашайся, пока не будешь уверена, что хочешь этого.

– И все? Как это не совсем то, что я ждала.

– На самом деле именно этого ты и ждала. Просто еще не знаешь об этом. Ну и конечно же, еще я могу сказать тебе, какой у Нила...

– Нет. – твердо остановила я ее. -Спасибо, но нет.

Глава 9. Желтые листья

Они уехали через неделю, в воскресенье утром, сразу после завтрака. Из провожающих, кроме миссис Джеймс, были мы с Нилом и мои родители. Мама что-то прошептала на ухо Фрэн, обнимая её. В последний момент появилась Ронни, сунула Нику в руки пакет – по форме напоминавший пирог, неловко похлопала Фрэн по плечу. Потом мы стояли все вместе и смотрели им вслед, пока синий «скорп» не скрылся из виду.

– Не нравится мне это всё – угрюмо выразила Ронни мысль, смутно терзавшую всех.

Мама задумчиво кивнула, её мысли витали где-то далеко.

Пора было расходиться. Мне тоже надо было к Голду, и Нил пошёл меня провожать. По дороге мы не шутили и не обнимались, настроения не было. Не доходя до лавки каких-то двухсот метров, Нил вдруг резко остановился и без предупреждения меня поцеловал.

Он сжимал меня руками так сильно, что я едва могла дышать и целовал настойчиво, даже грубо. Отстранился резко, почти оттолкнул меня. Я вдруг увидела, каким он станет через пять лет – все его черты на мгновение как будто заострились и приняли окончательную форму.

– Нил, что с тобой?

Он встряхнул головой, думая о своём.

– Пообещай, что будешь ждать меня, когда я поеду в колледж.

– Нил, я люблю тебя. Конечно, я буду ждать тебя.

– Поклянись.

– Клянусь.

Он хотел добавить что-то ещё, но передумал.

– Я заберу тебя вечером. – отрывисто, через силу бросил он и ушёл быстрым шагом, но на повороте обернулся и неожиданно крикнул во всю мощь тренированных лёгких:

– Я люблю тебя!

На нас оборачивались прохожие, многие ухмылялись понимающе: эх, молодость, молодость.

Я расплылась в улыбке и помахала ему рукой.

Нил кивнул, показав, что заметил и, сорвавшись с места, бегом скрылся за углом.

Голд стоял за прилавком, скрестив руки на груди и смотрел на меня. Он явно наблюдал всю сцену от начала до конца. Я смутилась, но не отвела взгляд.

– Я люблю его.

Молчание.

– А он любит меня.

Молчание.

– И нечего на меня так смотреть, как будто вы старый, сморщенный сухарь, забывший, как любить! – я пожалела о своих словах ещё до того, как произнесла, но было поздно.

Голд показал мне на шкафы: протри пыль на полках. Я убиралась там всего несколько дней назад, но виновато взяла тряпку.

Мы работали в молчании. Он не задавал мне вопросов, как обычно, не проверял, хорошо ли я усвоила последнюю лекцию. Я чувствовала на себе его взгляд, но не осмеливалась повернуться.

Через пару часов я подобралась наконец к нелюбимому стеллажу. Он был высокий, узкий и самый неудобный, протирать его было сплошным мучением. Со вздохом подтянув стремянку, я забралась на неё и стала водить метёлочкой по бесконечным корешкам. Задумавшись о своём, вдруг потеряла равновесие, стремянка покачнулась, и я инстинктивно ухватилась за книги, одна выпала из общего ряда и свалилась на пол раскрывшись. Я мигом слетела со стремянки, но Голд успел раньше. Аккуратно поднял синий том – снова синий том!

Я торопливо начала говорить, захлёбываясь в словах:

–Мистер Голд, простите, простите меня! Я совсем не думала того, что сказала. Вы замечательный, ваше мнение так ценно для меня, мне просто хочется вашего одобрения, во всём, всегда! Фрэн и Ник уехали – добавила я еле слышно.

–Скоро кто-то придет. – он сунул томик мне в руку. – Поставь на место.

Я посмотрела на обложку. Опять Джек Лондон. «Мартин Иден», первое издание 1909 года. Не люблю Лондона. Уже закрывая книгу, в последний момент бросила взгляд на раскрытую страницу. «Любовь не может сбиться с пути, если только это настоящая любовь, а не хилый уродец, спотыкающийся и падающий на каждом шагу». Сердце заколотилось часто-часто и я, с шумом захлопнув книгу, затолкала её обратно на полку.

Нил пришёл за мной на час раньше. Зашёл в магазин, хотя всегда старался этого избегать – он явно побаивался моего хозяина. Но сегодня он подошёл напрямик к мистеру Голду.

–Разрешите Еве уйти сейчас.

Я замерла. Голд не разрешит, ему не нравится Нил, это видно по одному только как он смотрит на последнего.

–Хорошо.

Мне показалось, что я ослышалась. Посмотрела на Голда, но тот взял книгу и ушёл в кабинет.

–Ева, бежим, пока он не передумал! – зашипел Нил.

Хихикая, как дети, мы выбежали из лавки. Не сговариваясь, повернули к камню и бросились наперегонки. Промчавшись по улицам, свернули в лес, по тайной тропинке – и вот мы уже на месте, сгибаясь пополам, хохочем и хватаем ртом воздух.

Отдышавшись, я села на камень, похлопала рукой, чтобы Нил сел рядом.

–Зачем похитил меня раньше?

–Затем. – Нил взял моё лицо в ладони, наклонился к губам и скользнув языком в рот, стал целовать меня глубоко и страстно. Руки его шарили по моему телу, сжимали грудь. Он напугал меня своим напором – такой Нил был мне незнаком – и я оттолкнула его.

–Перестань.

Он остановился, но руку не убрал.

–Я тебя хочу. Сейчас.

–Но я тебя не хочу! Ты меня пугаешь!

Мой крик привёл его в чувство. Он отодвинулся, провёл рукой по лбу.

–Ева, прости. Я дурак. Я не хотел тебя обидеть.

Он выглядел потерянным. Я придвинулась к нему и прижалась к плечу.

–Ты не обидел меня. Просто я..., просто я..., просто я...

–Девственница? – подсказал он нужное слово.

Вся красная, я просто кивнула.

–Я знаю.

–Откуда? Фрэн рассказала?

Он рассмеялся и снова стал похож на самого себя.

–Да никто мне не рассказывал! Это же видно: как ты краснеешь, ну и вообще неопытная...Эй, не вздумай плакать – я действительно готова была разреветься от обиды и злости, но изо всех сил сдерживала себя.

– Это же здорово.

–Здорово?

–Очень здорово. Я хочу быть у тебя первым. А ты хочешь?

Хотела ли я?

–Да! Хочу. Но может, не прямо сейчас.

Нил улыбнулся хитрой улыбкой.

–Боишься?

–Боюсь.

–Иди сюда. – Он потянул меня к себе на колени и поцеловал, но нежно, осторожно, без языка. Я немного расслабилась. Такие ласки были мне знакомы. Нил снова полез мне под майку, но в этот раз я его не оттолкнула. Он расстегнул мой бюстгальтер, просунул под него ладони и стал гладить грудь. Мне было неловко, но хорошо, внизу живота тянуло и когда он потянул за край футболки, подняла руки, помогая раздеть себя. Нил завороченно уставился на мою грудь и потянулся погладить сосок. Кожа покрылась мурашками, соски затвердели. Я стеснялась быть перед ним обнажённой и одновременно наслаждалась целой гаммой новых ощущений. Мне нравилось, как его руки ласкают меня и хотелось ещё, но, когда он стал расстёгивать мои джинсы, я снова напряглась.

–Нил, я не уверена...

Но он, казалось, не слышал меня. Его рука скользнула мне в трусы, и я замерла. Это было так сладко, то, как он гладил там, что я перестала дышать и застонала, когда Нил вдруг остановился.

–Ева. – Он дышал тяжело и часто. – Ева, я люблю тебя. Я хочу тебя.

Всё происходило слишком быстро, в голове метались мысли, тело горело, и я уже сама не понимала чего хочу. Нил нависал надо мной, большой, красивый, странно чужой, но всё равно любимый. Должна ли я согласиться? Я не думала, что это произойдёт так скоро. Словно наяву я услышала голос Фрэн: не соглашайся, пока не будешь уверена, и от этого я почувствовала такую сильную злость – она потеряла своё право на советы, когда уехала – что решительно обняла Нила.

–И я тебя хочу.

На самом деле всё закончилось довольно быстро.

Нил потянул нас на камень, и когда я легла, стащил с меня штаны, торопливо разделся сам. Презерватив у него был, он надел – я не смотрела, отвернув голову в сторону, потом лёг сверху и я не успела опомниться, как он уже втиснулся в меня.

Мне скорее не понравилось. Было непонятно, и тяжело, и немного страшно – в какой-то момент накатила волна страха и хотелось закричать, чтобы он всё отменил обратно, но я стиснула зубы и терпела. Нил давил на меня, его движения причиняли боль, и я могла думать только о том, чтобы всё скорее прекратилось. Я надеялась, что он поцелует меня, успокоит и скажет, что всё хорошо, но его глаза были закрыты, дыхание прерывистым, а руки крепко сжимали мои плечи. Когда я уже думала, что это не закончится никогда, он остановился и упал на меня.

Отдышавшись, он приподнялся на локтях и обеспокоенно посмотрел на меня.

–Ну как ты?

Как я? Что мне надо ему ответить? Жива?

–Ээм... Немного растерзано. – осторожно ответила я и посмотрела на него: не обидится ли? Но оказалось, я дала правильный ответ. Нил улыбнулся, немного даже самодовольно, и поцеловал меня.

–Это потому что ты в первый раз. Тебе понравилось? Я не сделал тебе слишком больно? Я решила ответить только на последний вопрос, хотя на самом деле на оба:

–Нет, не очень.

Дома я поскорей поднялась наверх и стала перед зеркалом.

Я теперь женщина. Пристально разглядывая своё отражение, я пыталась понять, что изменилось. На вид всё было как обычно, и даже взгляд выдавал не искушение, а скорее растерянность. Но внутри у меня была буря. Хотелось петь от счастья и любви, а через секунду

забиться под одеяло и рыдать от неизбывного чувства потери, в животе тряслись поджилки – у меня появился секрет.

Родители ничего не заметили. Я спустилась к ужину, и если и выглядела немного молчаливой, то вероятно, они сочли это подавленностью из-за отъезда Фрэн.

В действительности это событие для меня отодвинулось куда-то далеко-далеко – хотя ещё сегодня утром мне казалось, что я всегда буду по ней скучать. «Я – эгоистка?». Я пыталась себя укорять, но мысли то и дело соскакивали на другое, на нас с Нилом, на то, как мы сегодня... Всё прошло не так, как писали в романах, даже совсем не так, но я уверяла себя, что это просто первые разы неприятно, все об этом говорят, и надо ещё немного потерпеть, и потом всё будет замечательно.

В постель поднялась рано, хотелось побыть одной и, не пряча лицо, подумать о случившемся. Погруженная в думы, я не сразу услышала, что в окно стучат камешки. Нил! Распахнув раму, я высунулась из окна по пояс. Так и есть, под окном стоял Нил.

– Псс! Ева, ты что, спишь?

– Нет – зашептала я. – тише! Мама и папа могут услышать!

– Выходи!

– Не могу! Нил, они только ушли спать.

– Ну, если ты не можешь, тогда... – Нил полез на дерево, росшее у окна моей спальни и в два счёта оказался напротив меня.

– Дай руку.

– Нил, ты с ума сошёл! А если ты упадёшь?

– Дай мне руку и встань боком, я допрыгну.

– Нет!

– Тогда я прыгну так.

– Нет, стой! Держи руку. – Мне было и смешно, и страшно. Взяв меня за руку, Нил легко оттолкнулся, и вот уже он висит на моём подоконнике. Я втащила его в комнату, давась от смеха.

Через мгновение мы целовались, забыв обо всём. Я была в глупой детской пижаме с мишками, и руки Нила мгновенно забрались под неё. Мы опустились на кровать, и под его весом она жалобно скрипнула.

– Нил, тсс! Если нас услышат! Ты должен уйти.

– Хорошо. Сейчас. – Он уже целовал мою грудь, и я задышала глубже.

– Уходи.

– Не могу. Я думаю только о тебе.

– Я тоже. Нил, пожалуйста, я боюсь подумать, что с нами сделает мой папа, если заметит.

– А мы тихонько. – Он начал стаскивать мою рубашку. – Ой. Мишки.

Я захихикала.

– Не шуми! – Нил закрыл мне рот поцелуем. Не отрываясь от моих губ, он руками полез мне в трусы.

Я упёрлась руками ему в грудь, и он немного отодвинулся.

– Нил, мы же только недавно этим занимались...

– Я хочу снова. Ева, ты такая сексуальная. – Снова, как утром, накатило сильное наслаждение, и я выгнулась под его пальцами. Но когда уже казалось, что сейчас я взорвусь, он опять отстранился, чтобы расстегнуть брюки. Я была так возбуждена, что потянулась к нему и... и повторилось всё то же самое, что и днём, только, кажется, даже больнее. Как хорошо мне было от его пальцев, так же ужасно я чувствовала себя, когда он входил в меня. Я зажмурилась и попыталась представить, что я сейчас в магазине, расставляю книги по полкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.